

487

Проф. І. А. ПОКРОВСКІЙ.

субв. 1948г.

Дорогому
Михаилу Леонидовичу
Потанину
один экземпляр

ПРАВО НА ЧЕСТЬ.

Маленькая иллюстрація къ большому вопросу.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Бр. В. и И. Линникъ, Невскій, 126/2.

1916.

Право на честь.

Маленькая иллюстрація къ большому вопросу.

„Pour chaque individu moderne ce qu'il y a de plus précieux, c'est son âme, sa volonté personnelle avec tous les sentiments profonds, compliqués qui l'engendrent. Je tiens d'abord et avant tout à ma conscience, à mon honneur, à mon indépendance.“

(Taine.

Le libéralisme, pag. 280.)

I.

Многимъ еще, вѣроятно, памятно, какъ была занята недавно русская юридическая мысль вопросомъ о „безотвѣтственности народныхъ представителей“ за рѣчи, произносимыя ими въ парламентѣ. Въ связи съ нѣкоторыми, вызвавшими большое волненіе, случаями, въ Петроградскомъ юридическомъ Обществѣ были сдѣланы по этому поводу два доклада: одинъ въ мартѣ 1909 г. профессоромъ А. А. Жижилевке, другой въ ноябрѣ 1912 г. профессоромъ П. Н. Люблинскимъ, причемъ оба доклада вызвали весьма оживленные пренія ¹⁾. Какъ докладчики, такъ и всѣ принимавшіе участіе въ преніяхъ исходили изъ той мысли, что въ интересахъ надлежащаго функціонированія законодательныхъ учреждений необходимо проведеніе начала депутатской безотвѣтственности. Въ то же время, однако, всѣ они не могли не задуматься и надъ вопросомъ о тѣхъ случаяхъ, когда въ парламентской рѣчи была задѣта честь

¹⁾ Какъ самые доклады, такъ и пренія изложены въ „Трудахъ юридическаго общества при Имп. Сиб. Университетѣ“, т. I (1910), стр. 362—433, и т. VI (1913), стр. 480—506.

какого-нибудь частного лица, например, была взведена клевета. Оставить потерпевшаго безъ всякой защиты казалось несправедливымъ, но можно-ли сочетать эту защиту съ принципомъ депутатской безотвѣтственности? Мнѣнія по этому вопросу чрезвычайно разошлись. Одни изъ спорившихъ признавали такое сочетаніе абсолютно невозможнымъ: между однимъ и другимъ „непримиримое противорѣчіе“, и если вообще начало депутатской безотвѣтственности желательно, то во имя еѣ необходимо пожертвовать интересомъ частныхъ лицъ, какъ интересомъ „низшимъ“; опасно вообще допускать здѣсь какія-бы то ни было исключенія, опасно „пробивать бреши въ принципъ полной безотвѣтственности депутатовъ за рѣчи“¹⁾. Другіе, однако, такъ далеко не шли: они признавали, что честь частныхъ лицъ должна быть ограждена, но расходились между собой въ способахъ такого огражденія. Въ то время какъ одни изъ нихъ допускали для этихъ случаевъ прямое изъятіе изъ принципа безотвѣтственности (т. е. слѣдовательно, возможность обыкновеннаго уголовного суда), другіе предлагали учрежденіе особыхъ (третейскихъ или парламентскихъ) судовъ или-же считали достаточнымъ, чтобы оклеветанный потребовалъ отъ депутата повторенія обвиненія внѣ стѣнъ парламента, т. е. внѣ условій парламентскаго иммунитета. Обмѣнъ мыслей, разумѣется, ни къ какому соглашенію не привелъ, и противники разошлись, унося каждый свое собственное мнѣніе.

II.

Упомянутыя пренія велись только въ тѣсныхъ рамкахъ вопроса о парламентской безотвѣтственности и только съ криминалистической точки зрѣнія: всѣхъ занимала, главнымъ образомъ, мысль о томъ, допустимо-ли или нѣтъ въ случаяхъ подобнаго рода уголовное преслѣдованіе за клевету. Между тѣмъ возникающій здѣсь вопросъ, съ одной стороны, не есть специальный вопросъ такъ называемаго „парламентскаго иммунитета“, а съ другой стороны, онъ далеко не исчерпывается вопросомъ объ уголовномъ или

¹⁾ I. cit. т. I., стр. 429, 431; т. VI., стр. 554, 555.

административномъ преслѣдованіи. Это есть только частный случай болѣе общаго вопроса—того, который въ новѣйшей теоріи гражданскаго права носитъ названіе вопроса о правѣ каждаго человѣка на неприкосновенность своей чести, короче—о правѣ на честь ¹⁾.

Совершенно ясно, что во всѣхъ случаяхъ этого рода потерпѣвшаго интересуется не то, чтобы на виновнаго было наложено какое-нибудь наказаніе, а то, чтобы ему была предоставлена возможность судебной реабилитаціи своей чести. Государство можетъ поступать съ уголовнымъ наказаніемъ, какъ ему угодно; оно можетъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ отъ этого послѣдняго отказаться; но можетъ-ли потерпѣвшій быть лишень права на реабилитацію—въ этомъ именно заключается жизненный центръ всего нашего вопроса, и по этому поводу новѣйшее развитіе гражданскаго права, думается, дастъ совершенно опредѣленный отвѣтъ.

Какъ извѣстно, современное гражданское право все болѣе и болѣе приходитъ къ признанію такъ называемыхъ „правъ личности“ („Persönlichkeitsrechte“), какъ нѣкоторой особой категоріи абсолютныхъ (т. е. противъ всѣхъ направленныхъ) гражданскихъ правъ ²⁾. Зародившійся еще въ ученіяхъ старой естественно-правовой школы, испытавъ затѣмъ гоненіе въ эпоху исключительнаго и преувеличеннаго господства юридическаго позитивизма, идея этихъ правъ въ настоящее время возродилась снова и стремится занять прочное мѣсто въ системѣ всякаго по истинѣ современнаго гражданскаго права. Пусть многое еще въ области этихъ правъ остается спорнымъ, но нельзя отрицать, какъ пра-

¹⁾ Ср. по этому поводу краткія сообщенія въ моихъ „Основныхъ проблемахъ гражданскаго права“ (оттискъ изъ изданія „Итоги науки“), стр. 90—94.

²⁾ См. статьи E. Adler'a („Die Persönlichkeitsrechte im Allg. Bürg. Gesetzbuche“) и I. Mauczka („Die Anwendung der Interessenkollisionen auf die „angeborenen Rechte“) въ Юбилейномъ Сборникѣ „Festschrift zur Jahrhundertfeier des Allg. Bürg. Gesetzbuchs“ 1911. Bd. II.—Кромѣ того, K. Specker. Die Persönlichkeitsrechte mit besonderer Berücksichtigung des Rechts auf die Ehre im Schweizerischen Privatrecht въ „Zürcher Beiträge zur Rechtswissenschaft“ изд. Egger, Hafer, Hitzig и Huber. Bd. XXXV. 1911, и въ связи съ послѣднимъ произведе-ніемъ новую статью Mauczka „Zur Lehre von den Persönlichkeitsrechten“ въ „Zeitschrift für das Privat- und öffentliches Recht der Gegenwart“. Bd. 39 (1912).

вильно говорить I. Kohler, что изъ всѣхъ новыхъ идей въ области правовѣдѣнія едва-ли есть болѣе важная, чѣмъ эта идея „правъ личности“).

Въ ряду этихъ правъ однимъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ и самыхъ характерныхъ является право на честь. „Неопороченная честь, говоритъ Gierke, составляетъ основу права личности; только тотъ, чья честь незапятнана, находится въ полномъ смыслѣ въ своемъ правѣ“. „Изъ самой личности вытекаетъ право на честь“ ²⁾.

Конечно, честь человѣка охраняется и уголовнымъ закономъ, но эта охрана далеко не всегда достаточна, и право на честь отнюдь не является только „рефлексомъ объективной нормы“, рефлексомъ уголовного наказанія. Совершенно справедливо говоритъ Mauczka: пока честь охраняется только въ уголовномъ порядкѣ, ея охрана находится еще въ примитивномъ состояніи. Для уголовного суда на первомъ планѣ стоитъ не вопросъ о томъ, нарушена-ли незаконно честь человѣка, а вопросъ о томъ, подлежитъ-ли обвиняемый наказанію. Лишь тогда, когда дана наказуемость, потерпѣвшій можетъ добиться возстановленія своего права: своимъ обвинительнымъ приговоромъ судъ признаетъ лживость клеветническаго оскорбленія. Но наказуемость есть далеко не всегда: она можетъ отпасть вслѣдствіе давности, вслѣдствіе экстерриториальности оскорбителя или вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ, съ точки зрѣнія уголовного закона, уважительныхъ обстоятельствъ. Въ особенности послѣдній случай будетъ тяжело переживаться оскорбленнымъ. Даже юристъ при наличности оправдательнаго приговора, не зная его мотивовъ, не сможетъ сказать, послѣдовалъ-ли онъ вслѣдствіе того, что оскорбитель доказалъ истинность своего утвержденія или же вслѣдствіе подобныхъ вышеприведеннымъ основаній. Для широкой же публики дѣло всегда будетъ оставаться сомнительнымъ. Часто, напримѣръ, оправданіе основывается на томъ, что оскорбитель былъ добросовѣстно убѣжденъ въ справедливости своихъ обвиненій: онъ будетъ, слѣдовательно, оправданъ независимо отъ того, вѣрны-ли или

¹⁾ Recht und Persönlichkeit in der Kultur der Gegenwart. 1914 стр. 23.

²⁾ Deutsches Privatrecht. Bd. I. (1895) стр. 417, 427.

ложны эти послѣднія. Такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ уголовное преслѣдованіе не даетъ потерпѣвшему надлежащаго удовлетворенія, позволяя оскорбителю укрываться за тѣми ограниченіями, которыя вытекаютъ изъ существа уголовного права ¹⁾.

Гражданское право, съ своей стороны, какъ извѣстно, также относитъ оскорбленіе чести къ числу правонарушеній, деликтовъ, могущихъ повлечь за собой граждански-правовую отвѣтственность за вредъ и убытки. Но и эта отвѣтственность недостаточна: сплошь и рядомъ никакихъ матеріальныхъ убытковъ не будетъ. Даже если бы тотъ или другой кодексъ разрѣшилъ для этого случая отыскиваніе такъ называемаго нематеріальнаго вреда ²⁾, это отыскиваніе было бы въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь искусственнымъ, обходнымъ средствомъ добиться того, что составляетъ для потерпѣвшаго самую сущность дѣла—возстановленія истины. Да и то опять-таки далеко не всегда: гражданская отвѣтственность изъ правонарушеній предполагаетъ, какъ извѣстно, по общему правилу (т. е. поскольку положительнымъ закономъ не установлено изъятія) вину правонарушителя, т. е. его умыселъ или неосторожность; при отсутствіи вины, чловѣкъ, взведшій оскорбительную напраслину, былъ бы оправданъ, и такимъ образомъ снова для всѣхъ третьихъ лицъ осталось бы неизвѣстнымъ, соответствуетъ ли истинѣ взведенное обвиненіе или нѣтъ. Главное, что важно для потерпѣвшаго всегда и прежде всего—это признаніе ложности оскорбительнаго сообщенія и реабилитація его чести.

Это же главное можетъ быть достигнуто только однимъ признаніемъ права на честь, какъ абсолютнаго „права личности“, и допущеніемъ гражданскаго иска объ установленіи ложности взведеннаго оскорбительнаго сообщенія и о запрещеніи повторять его впредь ³⁾. Пусть подобныя „иски о признаніи“ и „запрещеніи“ („Feststellungsklagen“ и „Unterlassungsklagen“) еще не вездѣ или не въ полной мѣрѣ завоевали себѣ право гражданства,—ходъ развитія неизбѣжно приведетъ къ нимъ, какъ къ необходи-

¹⁾ Mauczka. Цит. статья въ Festschrift. стр. 253—254.

²⁾ Напр. Швейцарскій законъ объ обязательствахъ 1911 г. § 49.

³⁾ Ср. Mauczka. I. cit. стр. 256.

тому и единственно рациональному приему правовой защиты для многих весьма важных человеческих интересов¹⁾.

Будут ли съ нарушениями чести связаны еще какія-нибудь иныя послѣдствія (возмѣщеніе вреда, такъ называемыя „Widerruf“, „Abbitte“, „Ehrenerklärung“ и т. д.²⁾—это вопросъ второй, зависящій отъ соображеній практической цѣлесообразности; принципиально важнымъ и логически необходимымъ является только признаніе за потерпѣвшимъ права добиваться судебного установленія невѣрности взведеннаго обвиненія.

Именно на вышеприведенныхъ примѣрахъ можно воочию убѣдиться въ непосредственной практической жизненности права на честь, какъ нѣкотораго особаго „права личности“, и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще въ истинной природѣ этихъ послѣднихъ. Развивающаяся чуткость человеческой личности не можетъ болѣе удовлетворяться простымъ „рефлексомъ“ уголовной или деликтной нормы; она требуетъ признанія особыхъ субъективныхъ правъ. Если старая естественно-правовая школа приходила къ этой идеѣ, отпавляясь отъ чисто апіорныхъ соображеній о „прирожденныхъ“ правахъ личности, то современное право приходитъ къ ней a posteriori, движимое несомнѣнной практической потребностью. Подъ вліяніемъ этой потребности германское уложеніе признало субъективное гражданское право на имя; но это былъ только первый шагъ. Новѣйшій изъ европейскихъ кодексовъ, уложеніе швейцарское, поставило вопросъ шире, и ему первому принадлежитъ высокая честь принципиальнаго признанія „правъ личности“ вообще³⁾. § 28 этого уложенія („Wer in seinen persönlichen Verhältnissen unbefugter Weise verletzt wird, kann auf Beseitigung der Störung klagen“) открываетъ безспорно новую эру въ этой области.

¹⁾ Ср. Гордснъ. Иски о признаніи. Ярославль. (1906).—Eitzbacher. Die Unterlassungsklagen (1906). стр. 138.

²⁾ См. Mauczka I. cit. стр. 225.

³⁾ Ср. Hedemann. Die Fortschritte des Zivilrechts im Laufe des XIX Jahrhunderts, стр. 58.—Mauczka. I. cit. стр. 292. Послѣдній авторъ, впрочемъ, думаетъ, что подобное признаніе содержится уже въ Австрійскомъ Уложеніи 1811 г.

III.

Если, такимъ образомъ, современное гражданское право не можетъ обойтись безъ признанія права на честь, то спрашивается, имѣеть ли это право силу только противъ частныхъ лицъ, или же за нимъ должно быть признано болѣе широкое и абсолютное значеніе? Въ частности, можетъ ли быть допущено ограниченіе этого права по отношенію къ оффициальнымъ лицамъ при отправленіи ими тѣхъ или иныхъ публичныхъ функцій? Снова подчеркиваемъ, что дѣло идетъ не объ уголовномъ наказаніи и не о какой-либо иной карѣ для этихъ лицъ, а исключительно о правѣ оклеветаннаго требовать судебного признанія ложности обвиненія.

При этомъ, разумѣется, остаются въ сторонѣ отъ вопроса всякія конфиденціальныя сношенія должностныхъ лицъ между собой. Вопросъ касается только тѣхъ случаевъ, когда клеветническое сообщеніе сдѣлано въ публичномъ засѣданіи или вообще какъ-нибудь стало предметомъ гласности. Сюда именно относятся тѣ случаи, которые составляли предметъ вышеприведенныхъ преній—клевета въ парламентской или адвокатской рѣчи и т. д. Можетъ ли оклеветанный требовать восстановленія своего добраго имени, запятнаннаго этой клеветой въ глазахъ общественнаго мнѣнія?

Если вообще потребность въ подобной реабилитациіи существуетъ, то здѣсь она ощущается особенно остро. Какъ совершенно справедливо говоритъ тотъ же Мауцка ¹⁾, въ случаяхъ подобнаго рода, когда авторитетное положеніе оскорбителя и самая обстановка оскорбленія повышаютъ размѣръ обиды, потерпѣвшій естественно чувствуетъ и особенную, повышенную нужду въ защитѣ.

Мы видѣли, что сознаніе этой потребности въ защитѣ раздѣлялось многими и изъ тѣхъ, которые принимали участіе въ вышеприведенныхъ преніяхъ, но боязнь „пробить брешь“ въ принципѣ свободы парламентской рѣчи заставляла ихъ искать какихъ-нибудь иныхъ путей для

¹⁾ l. cit стр. 254.

удовлетворенія потерпѣвшаго. Однако, всѣ эти иные пути или несостоятельны или недостаточны. Предложеніе повторить обвиненіе внѣ условій парламентскаго иммунитета можетъ остаться безъ результата по разнымъ причинамъ, но даже простой отказъ оскорбителя не будетъ служить яснымъ доказательствомъ ложности обвиненія: вопросъ все-таки остался неразслѣдованнымъ. Равнымъ образомъ третейскій судъ можетъ всегда оказаться неосуществимымъ вѣлѣдствіе простого несогласія на него со стороны оскорбителя. Наконецъ, какіе-либо особенные (напримѣръ, парламентскіе) суды могутъ быть заподозрѣны въ партійности или профессиональной пристрастности ¹⁾. Но и независимо отъ этого, всѣ эти средства нисколько не устраняютъ вопроса объ обыкновенномъ гражданскомъ судѣ: при извѣстныхъ условіяхъ приговоръ именно этого обыкновеннаго оффиціального суда можетъ представлять для потерпѣвшаго особенную моральную цѣнность. По какимъ же основаніямъ мы могли бы лишити его права обратиться къ этому суду?

Говорятъ: всякая отвѣтственность въ подобныхъ случаяхъ стѣснила бы свободу нужныхъ оффиціальныхъ дѣйствій. Но мы, прежде всего, сильно сомнѣваемся, чтобы въ интересахъ какой бы то ни было государственной или общественной службы было закрывать глаза на ложь и установленіемъ невозможности ея раскрытія успивать самое появленіе лживыхъ сообщеній. Мы думаемъ, напротивъ, что всякое дѣло во много разъ выигрываетъ, если оно опирается только на такія данныя, которыя въ любой моментъ допускаютъ провѣрку. Подлинный общественный интересъ, думается намъ, заключается въ томъ, чтобы всегда оперировать только съ истиной.

Съ другой стороны, какъ ни важна свобода депутатской или иной оффиціальной рѣчи, какъ ни существенно, въ общественныхъ интересахъ, чтобы депутатъ располагалъ всѣми необходимыми матеріалами, тѣмъ не менѣе, все же, вѣдь, не допускается, чтобы депутатъ вторгался въ частный домъ, производилъ обыскъ въ письменныхъ столахъ и

¹⁾ Ср. Люблинскій въ „Трудахъ Юрид. Общества“. т. VI, стр. 565: „въ нихъ будетъ крайне сильно преобладать политическая точка зрѣнія надъ судебной.“

силою браць нужныя бумагі. Гражданскія права частныхъ лицъ охраняются въ этихъ случаяхъ; почему же честь человѣка должна быть лишена даже той элементарной защиты, которою пользуются собственность или владѣніе?

Резоннаго отвѣта на этотъ вопросъ не можетъ быть. Единственнымъ основаніемъ для отрицанія является отжившее представленіе о чести, какъ о простомъ „рефлексѣ“ уголовной нормы, отсутствіе понятія о ней, какъ о субъективномъ гражданскомъ правѣ. Но, какъ мы видѣли, положеніе вопроса на нашихъ глазахъ мѣняется. Рѣзко-очерченныя имущественныя границы „добраго стараго гражданского права“, никогда, впрочемъ, въ дѣйствительности не существовавшія, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе отходятъ въ область преданія, т. е. въ область того, что называется „Dogmengeschichte“. Тѣнь старо-римской *condemnatio pecuniaria*, такъ долго омрачавшая наши представленія о природѣ гражданского суда и приговора, постепенно исчезаетъ. Развитіе человѣческой личности выдвигаетъ все болѣе и болѣе на сцену духовные интересы и требуетъ для нихъ по крайней мѣрѣ такой же защиты, какою пользуются интересы матеріальные. Идейная борьба за субъективное гражданское право на честь и обозначаетъ прежде всего стремленіе создать для человѣческой чести тѣ-же юридическія гарантіи, которыми обставлены эти послѣдніе, матеріальные интересы.

IV.

Прежде всего, но не все. Вопросъ о правѣ на честь съ логической неизбежностью поднимаетъ насъ еще выше и ставитъ лицомъ къ лицу съ самыми высшими вопросами всего государственнаго правопорядка.

Мы видѣли, что въ конечной основѣ всѣхъ вышеизложенныхъ разсужденій о безответственности лицъ официальныхъ лежитъ мысль о томъ, что частный интересъ, какъ интересъ „низшій“, долженъ склоняться передъ общественнымъ интересомъ, какъ интересомъ высшимъ“ 1).

1) Ср. даже Mauczka цит. статья въ *Zeitschrift für Privat- und öffentliches Recht*, стр. 9: „Alle Rechte sind relativ, d. h. sie müssen den höheren Interessen weichen“.

Дѣйствительно, какъ извѣстно, по отношенію къ имущественнымъ гражданскимъ правамъ, въ частности, по отношенію къ собственности, допустима экспроприація въ интересахъ общаго блага: хотя и съ соблюденіемъ извѣстныхъ гарантій, хотя и за вознагражденіе, но право частнаго лица можетъ быть уничтожено, когда этого требуютъ интересы общества, интересы государства. Общее благо принципиально и юридически признается началомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ частное благо собственника.

Но такъ-же-ли стоитъ дѣло по отношенію къ праву на честь? Мыслима-ли, допустима-ли по отношенію къ нему вообще какая бы то ни была „экспроприація“?

Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что нарушителемъ нашей чести является не тотъ или иной отдѣльный членъ государственнаго механизма, въ родѣ адвоката, депутата или даже министра, а все правительство, какъ объединенное цѣлое. Представимъ себѣ случай (точно-ли совершенно гипотетическій?), что при какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ правительство признало-бы необходимымъ „въ интересахъ общаго блага“ пожертвовать честью какого-нибудь индивида—напримѣръ, пораженіе на войнѣ объяснить измѣной или трусостью какого-нибудь генерала, дипломатическую неудачу неосвѣдомленностью какого-нибудь посла и т. д. Должны-ли всѣ эти оклеветанныя лица остаться беззащитными?

Намъ скажутъ: всѣ подобнаго рода поступки правительства составляютъ предметъ высшей государственной политики; они могутъ послужить основаніемъ для парламентскихъ интерпелляцій, могутъ повести къ паденію столь лживаго правительства и т. д.

Пусть такъ. Ну, а если ничего этого не будетъ? Если, напримѣръ, большинство въ парламентѣ таково, что оно готово поддерживать правительство даже здѣсь, если интерпелляція не будетъ принята или даже внесена? Должны-ли пострадавшіе склониться передъ этой „общей волей“ правительства и народа и покорно нести на себѣ весь позоръ введенной на нихъ клеветы? Можетъ ли наше этическое сознаніе примириться съ подобнаго рода фактомъ, какъ съ нѣкоторымъ аналогомъ обычной имущественной экспроприаціи?

Не споримъ, найдутся и въ этомъ вопросѣ такіе послѣдовательные сторонники государственнаго абсолютизма, которые не обинуясь отвѣтятъ намъ утвердительно: да, и здѣсь частный интересъ, какъ низшій, долженъ уступить общему интересу, какъ высшему. Государство (въ лицѣ его правительства и парламента) не только фактически можетъ, но имѣетъ право принести частный интересъ въ жертву интересамъ общаго блага. Быть можетъ, это *in concreto* будетъ неразумно или нецѣлесообразно, но принципиально противъ этого ничего возразить нельзя: на томъ стоитъ все нынѣшнее государство и, если иногда страдаютъ частныя лица, то съ этимъ необходимо примириться, какъ съ неизбежнымъ зломъ. „Какъ-бы ни протестовалъ индивидъ противъ такого принудительнаго обращенія его въ средство, какъ бы ни защищала его индивидуалистическая философія, общество всегда такъ поступало и всегда будетъ поступать, пока не утратитъ инстинкта самосохраненія“¹⁾.

Появно, что съ этой точки зрѣнія нѣтъ и не можетъ быть никакой разницы между индивидуальными интересами: всѣ они, подобно собственности, могутъ быть „экспропрированы“—не только честь человѣка, но, напримѣръ, и его религиозное исповѣданіе. Въдѣ настаивали же Гоббсъ и Руссо на томъ, что государство можетъ опредѣлять обязательную религію и жестоко карать несогласныхъ.

Но совместима-ли подобная точка зрѣнія съ нашимъ нынѣшнимъ правосознаніемъ? Конечно, нѣтъ; въ другомъ мѣстѣ²⁾ мы уже говорили о томъ, что вся новѣйшая исторія вопроса о религиозной свободѣ рѣшительно свидѣтельствуетъ противъ нея: есть такіе интересы и такія стороны человѣческаго существованія, государственное вмѣшательство въ которыя недопустимо даже въ интересахъ „общаго блага“. Пусть въ данномъ государствѣ огромное большинство гражданъ считаетъ мою вѣру ложной, мое невѣріе печестіемъ,—все равно, оно не можетъ (не смѣетъ) предписать мнѣ вѣрить такъ, какъ вѣритъ оно, или вѣрить тогда, когда я не вѣрю. Пусть душевное спокойствіе большинства нарушается тѣмъ, что рядомъ есть диссиденты

¹⁾ Шершеневичъ. Общая теорія права (1910), стр. 143.

²⁾ „Основныя проблемы гражд. права“, стр. 55 и сл.

или атеисты,—во имя этого спокойствія большинства нельзя насилловать совѣсть меньшинства или даже одного единственнаго человѣка. Говоря иначе, даже во имя „общественнаго интереса“, во имя „общаго блага“, нельзя „экспроприровать“ права индивида на религіозную свободу.

Право на честь, думается намъ, принадлежитъ къ той же категоріи явленій. Честь человѣка, его незапятнанное моральное достоинство, составляетъ одно изъ самыхъ высшихъ духовныхъ благъ индивида, и посягательство на него ни для кого, ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть признано допустимымъ. Съ одной стороны, жизнь разнообразными трагическими примѣрами свидѣлствуетъ о томъ, какъ часто человѣкъ ставитъ на карту все, даже самую жизнь, лишь бы возстановить свою честь. Съ другой стороны, нельзя примириться съ такимъ строемъ, который считалъ бы возможнымъ обезпечивать „общественный интересъ“ путемъ опозоренія или оклеветанія невиннаго. Какъ бы ни были важны эти интересы, общество и государство должны поискать иныхъ средствъ для ихъ удовлетворенія. Пусть эти иные средства будутъ болѣе трудны и сложны, все равно: данное средство недопустимо, и цѣль не оправдываетъ средствъ.

Понятіе государства, какъ извѣстно, переживаетъ въ настоящее время серьезный кризисъ. Бунтъ противъ нынѣшняго „властвующаго“ государства провозглашается не только со стороны его исконнаго врага, анархизма, но и со стороны такихъ новѣйшихъ теченій, какъ синдикализмъ въ его разнообразныхъ практическихъ и теоретическихъ развѣтвленіяхъ. Этотъ разрастающійся бунтъ ставить передъ современнымъ государствомъ настоятельное требованіе „открыть лицо свое“. Дѣйствительно-ли оно претендуетъ на столь абсолютное всевластіе надъ индивидомъ, что этому послѣднему остается только жить на его „милости или немилости“? Дѣйствительно-ли оно таково, что передъ его лицомъ ни о какихъ „неотъемлемыхъ правахъ личности“ говорить нельзя? И конечно, если оно отвѣтитъ „да“, оно этимъ въ высокой степени оправдываетъ поднятый противъ него бунтъ: для всѣхъ станетъ ясно, что такое государство заключаетъ въ себѣ величайшія опасности, что оно представляетъ социальный механизмъ весьма несовершенный, и

будетъ вполне понятно, если человѣческая мысль охладѣетъ къ идеѣ государства и станетъ искать иныхъ формъ общественности. Изъ своего нынѣшняго кризиса государство можетъ выйти только однимъ путемъ—отказавшись отъ своей принципиальной неограниченности, признавъ и надъ собой нѣкоторое „право“, а въ томъ числѣ и нѣкоторое неотъемлемое право отдѣльной человѣческой личности. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, послѣдній, современный, фазисъ того, что называется „проблемой правового государства“.

Мы знаемъ, конечно, что всѣ идеи подобнаго рода могутъ показаться современному юристу-позитивисту „утопическими“ и „метафизическими“; но если мы оглянемся назадъ, то мы увидимъ, что многое изъ того, что раньше было „метафизикой“, впоследствии сдѣлалось реальностью, и глубоко правъ Del-Veschio когда онъ говоритъ, что во многихъ случаяхъ „метафизика есть лишь антиципация эмпири“¹⁾.

¹⁾ Die Fortschritte im Recht (detsch von Sternberg) въ Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie. Bd. VI (1912—1913), стр. 477.